

С женой Альбиной Назимовой.

Каким нужно быть, чтобы тебя убили

Из интервью Владислава Листьева последних лет

1991. "Я пришел в тележурналистику ногами"

— Давайте начнем "от печени". Знаете ли вы что-нибудь о своих предках?

— По обеим линиям знаю о прабабушках и прадедушках. Прадед был известным московским купцом, а прабабка — из семьи врача. По маминной линии — крестьяне, то ли в Курской, то ли в Орловской губерниях. А дальше — не знаю ни о ком.

— Как вы пришли в тележурналистику?

— Ногами. Но перед этим закончил в 1982 году международное отделение факультета журналистики МГУ. Потом работал в Комитете радиовещания на зарубежных странах. А в 1987 году пришел на телевидение.

— Во "Взгляд"?

— Да. Тогда это было еще совсем не престижно. Просто позвонил приятель, сказал, что создается новая программа, пригласил познакомиться. Я к этому времени уже пять лет работал на радио. Уже настолько знал все законы и условия своей работы, что не приходилось ждать никаких неожиданностей. Все стало слишком обыденным. Поэтому и решил познакомиться на ТВ.

— И почти сразу же стали популярны на всю страну. Это изменило как-то вашу жизнь?

— Появилось больше знакомых. Вокруг вертятся постоянно какие-то люди. Кто-то просит помочь, кто-то просто рад знакомству с более-менее популярным человеком. Я стараюсь трезво оценивать ситуацию и прекрасно понимаю, что стоит мне только опуститься и упасть, как половина моих "добрых" приятелей постарается меня дотоптать. Но, вероятно, это нормально. Так бывает всегда. Это жизнь.

— А настоящие друзья у вас есть?

— Конечно. Есть несколько человек. Они неизвестны широкому кругу, и я с ними дружу еще с "довзглядского" времени. Приобрел несколько хороших друзей и потом. Это А. Любимов, А. Макаров, Ю. Гусман.

— Принесли ли популярность в вашу жизнь что-то неприятное?

— Ну как сказать... Вот у меня на столике стоит полный набор известного журналиста — валокордин, корвалол. В кармане — всегда валидол. Инфарктов пока не было. Но стрессы случаются часто.

1993. "Причина конфликта во мне самом"

— Влад, ты тщеславен? В какой-то мере да. Меня волнует успех дела, которым я занимаюсь. Телевидение — культура массовая, я работаю на публику и заинтересован в том, чтобы мои программы смотрели как можно большее количество зрителей.

— У тебя наверняка возникли ситуации, когда задевало самолюбие, когда ты чувствовал несправедливость по отношению к себе. Как пережил такие удары?

— Я небезгрешен, у меня было слишком много минусов в поведении, особенно в первые годы работы. В большинстве случаев я понимал: причина конфликта — во мне самом. Так что "удары", как ты говоришь, пережил в основном спокойно. Мог, например, позволить себе заглянуть, отойти на неделю от дел и

относился к этому абсолютно наплевать.

— Неожиданное признание! С экранов ты всегда производил впечатление человека серьезного во всех отношениях.

— Тем не менее так было. Только помощь людей, которые были рядом, спасла от существенных потерь.

1993. "Я убежден, что политика — дело не совсем чистоплотное"

— На пике успеха "Взгляда" ты внезапно сменил амплитуду, представ в вялом облике шоумена на "Поле чудес". Что произошло? Ты почувствовал спад общественного интереса к политике или тебе самому наскучила политика? Был ли в этом поступке конъюнктурный момент?

— Признаться, политикой я не любил заниматься никогда. Хотя я и мои коллеги по "Взгляду" причастны к изменениям в стране — во "Взгляде", как ты помнишь, постоянно появлялись в качестве гостей опальные для того времени люди, а сейчас в их руках ключевые государственные посты. И все-таки я убежден: политика — дело не совсем чистоплотное. Имею в виду отношение людей: как они приходят к власти, какие методы для этого используют, как распоряжаются плодами своей победы. Сегодняшняя политическая ситуация — не исключение.

— Но почему "развлекать" должен был именно ты, тем более если душа к этому не лежала?

— Опять, возможно, в силу характера: я был наиболее по-

кладистым. Впрочем, интерес все-таки возник — без энтузиазма, вряд ли что-нибудь получилось бы. Человек исполнительный. Если, предположим, сейчас поручат мне создать новую службу новостей или спортивную программу (а спорт — мое единственное увлечение и отдых; учился в спортивном интернате "олимпийских надежд", кандидат в мастера спорта, бегал на среднюю и длинную дистанции, даже в институт физкультуры поступал, но срезался на гимнастике), охотно возьмусь и уверен: результат будет пристойный.

1993. "Я хочу, чтобы с экрана заговорил простой человек"

— Тему я начал делать по собственной инициативе. И, может, тут как раз конъюнктура (в хорошем смысле) сыграла свою роль. Посмотри нынешние телепередачи: все ушло в "высокую политику", она заполнила экран. А важнее в нашей жизни все-таки не политика, а сам человек: его отношения с другими людьми, его дом, семья, быт — то, что находится вне сферы государственности. Мне хотелось, чтобы простой человек заговорил с экрана о своих житейских проблемах, о повседневности.

— Вероятно, не всякая "тема" захватывает тебя целиком, импульсивен, другие ведешь более сдержанно, отстраненно. А есть ли среди "тем", о которых ты хочешь говорить в ближайшее время, такие, что задевают тебя лично, твоих близких?

— Есть, конечно. Например, уход человека на пенсию. Это драма моей матери. Она, проработав много лет старшим инженером НИИ, оказалась после реорганизации института выброшенной из привычной жизни и сейчас работает на метрополитене, мотет по ночам полы (отец умер, когда я закончил десятый

— Ну очки я ношу еще с армии. У меня минус три. А усы сбрасывал несколько раз на спор. Но многие женщины говорили, что они мне идут. Поэтому потом опять отрастил.

— Какие женщины вам нравятся?

— Любые. У меня определенного любимого типа нет. Вообще прекрасна каждая женщина, если в ней есть изюминка. Я люблю женское общество, хоть и не бабник — просто это дает стимул в жизни.

— Иногда создается впечатление, что вы самый осторожный из ведущих "Взгляда"...

— Может быть, я менее эмоционален. Я не осторожный, скорее — спокойный человек. К тому же старший по возрасту.

1991. "Подспудно во мне "что-то" сидит и часто удерживает от дурных поступков"

— Вы верующий человек?

— Я крещеный, но не очень хорошо знаю религию. Хотя читал Библию. Моральные заповеди этой книги священные. Они будут жить вечно. Но, наверное, необходима истинная глубокая вера. Подспудно во мне что-то сидит. И это "что-то" довольно часто удерживает от дурных поступков.

— Есть ли вещи, которых вы боитесь?

— Предательства. Меня много раз предавали, но я так и не могу привыкнуть к этому. Очень больно реагирую всякий раз.

1991. "Не вижу себя на постоянном жительстве в другой стране"

— Вы часто бываете за границей. Трудно привыкнуть к жизни в другой стране?

— Ну, конечно, намного легче. — Ане возникало ли желание остаться?

— Никогда! Предложения были, и довольно интересные. Но я не представляю себя на постоянном жительстве в другой стране.

— Можете описать в сравнении "их" и "нашу" жизни?

— Это даже сравнивать нельзя! Вот если поставить рядом цветной японский телевизор и наш черно-белый — это будет напоминать наши уровни жизни. Но домой все равно хочется.

1993. "У меня есть новые проекты"

— Знаю, что твоя жена Альбина — постоянный зритель. Для тебя это важно?

— Конечно! Альбина рядом, и я не нервничаю, гадая, что бы могло с ней произойти в другом месте.

— Альбина, с которой я знаком со школьных лет, так увлеченно рассказывает о профессиональных достоинствах Владислава Листьева, что, похоже, от собственного мужа она в эйфории!

— Вот уж не сказал бы! Она художник-реставратор, тем не менее любит указывать на мои недостатки, вторглась в телевизионную "кухню", пожалуй, с большим энтузиазмом, чем в домашнюю!

— Упорно ходили слухи, что "Поле чудес" принесло тебе, Влад, немалые личные блага.

— Вынужден разочаровать: даже костюмы я раз напрокат в Доме моды на Кузнецком мосту. Машина, например, появилась у меня лишь в январе этого года, и купила ее телекомпания "ВИД" в подарок.

— На "Поле чудес" у тебя открылась предпринимательская жилка. Как-то развиваешь ее?

1994. "Я намерен существовать в ТВ долго, если Бог даст жизни и здоровья"

— Владислав, что для вас телевидение? Удовлетворение личных амбиций?

— Несомненно, какие-то личные амбиции удовлетворяются, но здесь есть тонкость. Удовлетворение личных амбиций — это сделать классную передачу — и все! А телевидение — это моя профессия, и в ней я намерен существовать, если даст Бог жизни и здоровья.

— Почему, как мне кажется, я многое умею, многому научился и учусь. Я все время смотрю телевизор профессионально: работа оператора, постановка света; как держится человек в кадре, какие вопросы он задает, какая интонация, глаза при этом; какой монтаж, титры, какое оформление программы.

— А не хочется иногда отключиться и посмотреть просто так, как смотрит обыкновенный зритель?

— Уже не получается. Просто так я смотрю художественные фильмы, причем старые, которые известны до слова: "Белое солнце пустыни", "Бриллиантовая рука" — вот это кайф, это удовольствие. Но очень часто бывает, что фильм даже до конца не досматриваю, потому что не хватает времени.

— Вы президент "ВИДа", сколько человек у вас в подчинении и кто вы здесь: полковник, генерал?

— Я не знаю. Все эти звания — президент — не президент — меня меньше всего волнуют, а с телекомпанией сотрудничают около 700 человек.

— Им с вами тяжело работать?

— Очень.

— У вас плохой характер?

— Ужасный.

— В лицо вам об этом говорят?

— И в лицо говорят. У нас такие разборки бываю после программы. О! Там уже Листьев не Листьев, и все говорит на прямую.

— Что общего для вас в передачах, которые вы вели?

— Необъяснимое удовольствие от работы, просто кайф! За последние четыре года у меня практически не было дней в жизни, когда я утром просыпался бы с мыслью: "Боже мой, иди на работу. Опять". Нет, я просыпаюсь и — "Скорей бы на работу!" — увидеть ребят, окупиться в этот водоворот. У меня нет хобби, потому что у меня есть любимая работа.

1993. "Они поняли, что я задану их интересы"

— Тележурналисты говорят: коррупция на государственном ТВ началась вместе с коммерческой деятельностью. Это правда?

— Не совсем так, взяли тележурналисты брали и раньше. Просто в последнее время все это резко обострилось. С каждым годом через "Останкино" прокручивается все больше денег, в том числе и незаконных наличных. А там, где появляются частные интересы государственных чиновников, которые имеют право распоряжаться государственной техникой, эфиром и при этом получают скромные официальные зарплаты, там коррупция растет как на дрожжах.

— Так не вы ли первые начали этих чиновников активно подкармливать?

— Линно я никогда не умел и не умею давать взятки. Хотя, как и очень многие, знаю, кто в "Останкино" и сколько берет.

— У вас в "Останкино" сплошь и рядом заключаются очень странные договоры. Например, тридцатилетний на крайне низкую по качеству программу "Лотто" "Миллион"...

— Это я комментировать отказываюсь. С теми, кто касается такого рода деликатных вопросов, почему-то происходят очень грустные истории. В завуалированной форме государственное ТВ давно куплено коммерческими структурами. Теперь уже всем понятно: ТВ — это колоссальный бизнес. Но трагедия "Останки-

но" в том, что деньги тратятся неэффективно. Неэффективно для развития ТВ. Ведь что такое сегодня телекомпания "Останкино"? Это агонизирующий колосс, который танет от государства, от частных фирм и лиц, и все в чреве этого существа гора. Хотя уже давным-давно можно было вообще не брать ни копейки из бюджета. Но останкинские чиновники заинтересованы в этой неразберихе: из нее можно постоянно извлекать личную выгоду.

— Есть ли из всего этого выход?

— Есть. Создавать на месте "Останкино" акционерную компанию, управлять которой будут профессиональные продюсеры, а не политики. Только кто же на это пойдет? Много ли на ТВ программ, которые совершенствуются по мере выхода в эфир? И известны ли случаи, когда руководство телевидения закрыло какую-то передачу по причине неуспеха у зрителей? Вот противоположных примеров хоть отбавляй. Более чем кому бы то ни было председателю телекомпании опасно быть лицом, профессионально несостоятельным и несамостоятельным.

— А я слышала, что вам не так давно предлагали пост генерального продюсера "Останкино".

— Был один такой очень осторожный разговор, но потом все затихло. Видимо, людей, которые были уполномочены вести со мной переговоры, наугадали мою решительность и то, что я слишком хорошо знаю телепроизводство, его реальные возможности. Они догадались, что я задану как интересы тех, кто давно кормится у останкинской кормушки, так и тех, кто выполняет чью-то волю. А чаще это вообще одни и те же люди.

1991. "Встретимся лет через 180—200, там поговорим"

— Скажите, есть ли у вас девиз в жизни?

— Ой, что вы! Нет, конечно...

— А что-то изречение, которое помогает в трудную минуту?

— Что может быть хуже, чем жить чужими мыслями?

— Вы уверены в себе человеке?

— Да. Но при этом — сомневающийся.

— Можно ли сказать, что Владислав Листьев сегодня счастлив?

— Наверное. Тыфу-тыфу, чтобы не слезить. Наверное, я счастливый и удачливый человек. Верю в удачу, хотя точно и не знаю, что это такое. Но то, что не все зависит только от человека, — это уж точно.

— Сколько лет собираетесь прожить?

— Сколько Бог отпустит. А вообще встретимся лет через 180—200, там поговорим...

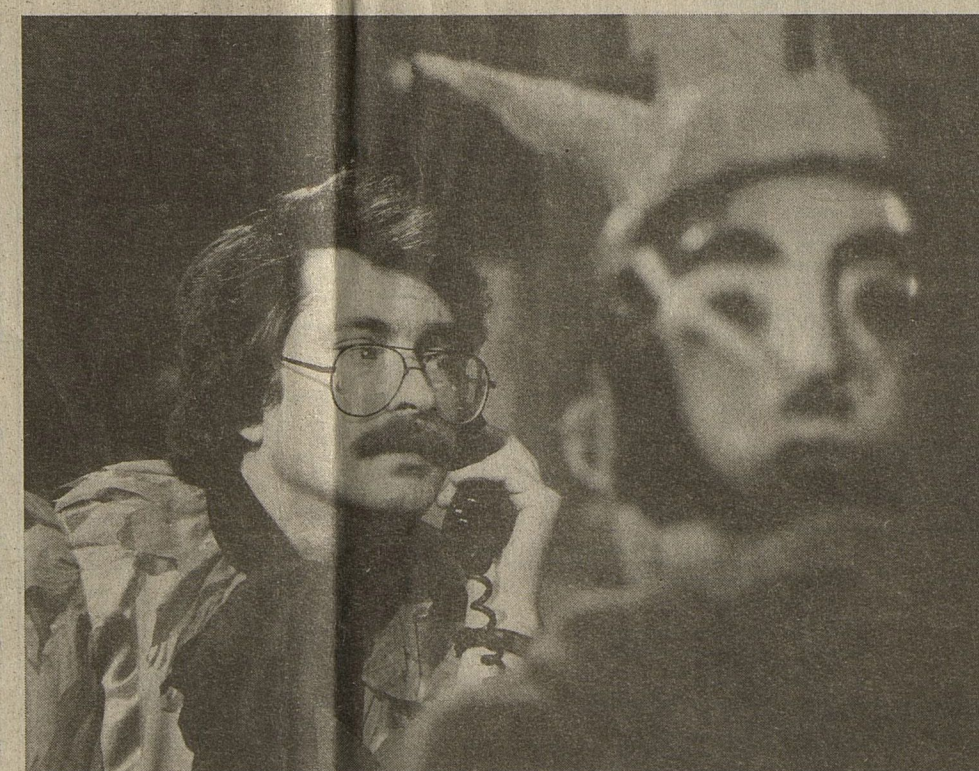
1994. "Боюсь, что убьют"

— Владислав, боитесь ли вы чего-нибудь?

— Одно время я начинал читать "Коммерсанта" со страниц, где происходили преступления. Так месяц почитал и понял, что сойду с ума: стал бояться всего на свете. Дошел до того, что думал получить разрешение на настоящее оружие и купил себе автомат Калашникова или помповое ружье. Но потом понял, что конечно, это чудно. Да, ужасно вокруг, но ведь не "ужас, ужас, ужас!", как в том анекдоте... Когда приходит огромный негр в публичный дом, вызывает девушку, через пять минут она от него убежит с криком: "Ужас, ужас, ужас!" Мадонна посылает к нему вторую, она тоже через пять минут: "Ужас, ужас, ужас!" Тогда мадам пригласила, глядишь, пришла и сама пошла. Через полчаса выходит, смотрит на этих барышень и говорит: "Ну, ужас. Но ведь не "ужас, ужас, ужас". Вот так и у нас. Кстати, этот анекдот в качестве характеристики того, что творится сейчас в стране, мне рассказал Александр Кабаков (он был одним из участников передачи "Час пик").

— А если серьезно?

— Боюсь, что убьют.

Все началось со "Взгляда".

класс; он был мастером на заводе. Естественно, я отговаривал, но слышал в ответ: не могу дома сидеть, мне нужно чем-то заниматься. Это колоссальная трагедия — пенсионный статус еще дееспособных людей.

1991. "Усы я сбрасывал несколько раз на спор"

— Вся страна знает Листьева в очках и с усами. Это "особые приметы" для лучшего запоминания?

— Для меня этой проблемы не существует. Абсолютно свободно чувствую себя в любой стране с первого же дня. Может быть, помогает знание иностранных языков — испанского, французского и венгерского. (Вообще считаю, что современный человек обязан знать хотя бы один иностранный язык, что дает возможность ощущать себя увереннее в этом мире. Кроме того, расширение кругозора, получение доступа к какой-то альтернативной информации.) Так что внешне никаких проблем не возникает. Но присутствует внут-

— Действительно, пришлось столкнуться с делом абсолютно новым: реклама, получение прибыли. У нас нет профессионалов в области рекламы, нет хороших коммерческих агентов.

А недавно меня пригласили сниматься в кино. Как раз на роль бизнесмена, который четко знает, чего хочет добиться.

— Наверное, твой нынешний экранный имидж более жесткого и напористого, чем прежде, журналиста вселет надежду, что такая роль тебе "по плечу"?

— Во всяком случае, теперь мой имидж соответствует тому, каков я в жизни. Но от роли я все-таки отказался. Кино — абсолютно другой мир, другая стезя, и я не хочу на нее ступать. У меня есть новые проекты. Вскоре выйдет детская развлекательная программа, которую я придумал и буду курировать. Собираюсь издавать журнал...

Использованы материалы из "Собеседника", "Московских новостей", "С.К.В." — бюро информации АСМО-пресс, "Экспресс-Лид", а также из архива "ВК".

Журналисты: В.Верник, Т.Кукоба, Е.Факторович, А.Ванденко, Е.Луганская. Фото: К.Поленов, А.Тягны-Рядно, И.Иванчиков.

2 марта 1995 года, ул.Новокузнецкая, у дома N 30.